

Сэ Чанмин не стал отказываться.

Внутри шкатулки обнаружили три небольших свитка. Поскольку Шэн Лююй был практически слеп, он остался сидеть на месте, предоставив Сэ Чанмину самому развернуть рисунки.

Первый свиток казался почти чистым, если не считать крошечного птенца в самом центре. Стоило бумаге развернуться, как нарисованный силуэт отделился от полотна и завис в воздухе. Птенец замер на месте, забавный и неподвижный.

Вторая картина была совсем другой. На ней птенец сидел на ветке и лакомился плодами. Склонив голову набок, он усердно надкусывал выбранные ягоды, чтобы застолбить их и не дать никому забрать, а затем принимался неторопливо пировать. Полускрытый густой листвой, он выглядел невероятно живым и забавным.

На третьем свитке птенец устроился на плече человека. Тот был виден лишь вполборота — только плечо да край лица. Малыш доверчиво терся о его подбородок, а юноша, вместо того чтобы прогнать наглеца, слегка наклонил голову, подставляя шею под пушистый бок.

Глину Освещения Мира Бошань добывали в огненных духовных жилах, поэтому сделанные из нее краски сохраняли легкое тепло. Сквозь полупрозрачную повязку из облачной дымки Шэн Лююй не мог разглядеть цвет оперения, но благодаря поразительной точности мазков Сэ Чанмина он уловил каждое движение птицы.

Глядя, как нарисованная птица ластится к человеку, Шэн Лююй сам невольно склонил голову — словно повинуюсь инстинкту.

Сэ Чанмину безумно захотелось рассмеяться, но он сдержал улыбку.

Шэн Лююй поджал губы и заносчиво произнес:

— Я-то думал, как выглядит птица, по которой ты так долго тоскуешь. А она... ничего особенного.

Несмотря на то что юноша почти ничего не видел, он очень внимательно изучил силуэты на картинах, чтобы его придирки звучали весомо.

— Ростом с ладонь, слишком мелкий, — ворчливо продолжил он. — К тому же круглый, как шарик. Жирный! Крылышки куцые, он хоть взлететь-то способен? А хвост... У него вообще есть перья в хвосте?

Услышь эти слова Сяо Тумао, он бы тотчас затрепетал крыльями и наглядно доказал критику свою летную пригодность.

Сэ Чанмин не обиделся и не счел это оскорблением. Шэн Лююй и сам был птицей — высокомерным, гордым птенцом, который мерил всех по себе. С его точки зрения, в этом мире просто не могло существовать пернатых красивее его самого.

И все же Чанмин возразил:

— Зато он невероятно милый.

Как заботливый хозяин, он прекрасно понимал, что Сэ Сяоци далек от канонов классической красоты, но это не мешало ему искренне считать своего питомца самым очаровательным существом во всей Поднебесной.

После столь язвительной тирады слова Чанмина заставили Шэн Лююя недовольно надуться. Однако из уважения к собеседнику он нехотя признал:

— Ну ладно. Доля очарования в ней действительно есть.

Но тут же с подозрением спросил:

— Но он ведь совсем на меня не похож. Ты же сам видишь! С чего ты взял, что в нем течет кровь птицы Чанмин?

Сэ Чанмин на миг замялся. Прошлые Сэ Сяоци хранило слишком много тайн, которые нельзя было выдавать. Он лишь мягко улыбнулся, решив подразнить юношу:

— Разве не похожа? По-моему, у вас много общего.

Шэн Лююй вспыхнул от негодования, будто его смертельно оскорбили:

— И что же у меня общего с этим круглым, бесхвостым недоразумением?!

— Или ты про окрас? — буркнул он и тут же осекся.

Очевидно, вообразив, как это «круглое бесхвостое недоразумение» щеголяет в его собственных роскошных лазурно-зеленых перьях, Шэн Лююй погрузился в глубокое молчание.

Птичье оперение — то же самое, что черты человеческого лица. Чужие птицы редко бывают одинаковой расцветки, как и чужие люди редко похожи друг на друга как две капли воды. Будь у них родственная связь, это стало бы очевидно с первого взгляда. Но если их окрас совпадает... Боже, неужели окружающие решат, будто они близкие родственники, и подумают, что он сам когда-то вырос из этого жирного комочка?

Нет, с этим он смириться не мог.

Сэ Чанмин как раз собирался свернуть картины, но от этих слов не выдержал и негромко рассмеялся, отчего его пальцы дрогнули. Возможно, близость разгадки и скорая встреча с питомцем грели ему душу, поэтому сегодня он был непривычно покладист и разговорчив — совсем не такой строгий, как во время занятий.

— Вы с ним... — начал он.

Внешне Шэн Лююй и Сэ Сяоци отличались как небо и земля. И все же Сэ Чанмина не покидало странное ощущение, что они невероятно похожи.

Наверное, дело было в их привычках: оба обожали кедровые орешки, лакомились белым лотосом и семью бамбуками, а разозлившись, начинали забавно топать ногами. Сэ Сяоци был безоговорочным любимцем, а Шэн Лююй... что ж, в нем тоже «имелась доля очарования».

И все же они оставались слишком разными: один — величественная Божественная птица, рожденная парить в небесах, второй — земной духовный зверь, застрявший в теле крошечной птички. Сравнивать их всерьез казалось нелепостью.

Поэтому Чанмин лишь пожал плечами:

— Может, все птицы такие?

Шэн Лююй молча хмыкнул, выжидая, сумеет ли учитель придумать более убедительное оправдание.

Немного подумав, Сэ Чанмин добавил:

— Он тоже никогда не признавал чужую красоту.

Юноша счел это сравнение притянутым за уши. Сам он не хвалил других лишь потому, что констатировал факт: краше его птиц в мире не существовало. А питомец Чанмина просто упрямился и страдал от нехватки скромности.

Он уже собирался возразить, но Сэ Чанмин нежно прошептал:

— Вот таким вредным было это маленькое создание.

Шэн Лююй никогда прежде не слышал у этого человека подобных интонаций — бесконечно мягких, трепетных, совершенно не вяжущихся с обычным холодным образом Сэ Чанмина.

Молодой господин невольно заслушался и растерял все свои колкие доводы.

Тем временем Чанмин бережно опустил свитки обратно в деревянную шкатулку и закрыл крышку. Вчера, выводя эти силуэты, он предавался воспоминаниям. Кое-что он не забывал никогда, хотя детство до десяти лет почти полностью стерлось из его памяти. Впрочем, там и вспоминать было нечего — сплошная череда серой безысходности.

У Сэ Чанмина не было нормального детства. Он не капризничал без причины, ничего не требовал и не искал чужого тепла. Стоило ему выйти из младенческого беспамятства и осознать себя, как он тут же научился молчать, сдерживать порывы и взрослеть быстрее всех остальных. Каждое его действие подчинялось жесткой логике: выжить и устроиться как можно лучше.

И только когда в его жизни появился Сэ Сяоци, за долгие годы неразлучной дружбы Чанмин сумел заново пережить детство — чистое, беззаботное и теплое. Рядом с этим пернатым чудом мир обретал новые, яркие краски.

Поэтому он помнил все до мельчайших деталей.

Оставив шутливый тон, Сэ Чанмин совершенно серьезно добавил:

— Мое имя дал мне именно этот птенец. Он для меня важнее всего на свете.

Шэн Лююй принял шкатулку. С его лица исчезла былая спесь, сменившись торжественной серьезностью:

— Я понял. Я велю доставить шкатулку прямо на Малую Тяжелую Гору. Но это может занять какое-то время.

Сэ Чанмин умел ждать и терпеть как никто другой. Он ждал слишком долго — успел пережить две смерти, так что пара лишних недель ничего не меняла.

Но Шэн Лююй рос в тепличных условиях и мало что смыслил в мирских делах. Чанмин забеспокоился, сможет ли тот найти надежного гонца, и предложил:

— Я могу сам отправить человека на Малую Тяжелую Гору. Твоим людям останется лишь встретить его у границ Малой Тяжелой Горы.

Шэн Лююй нахмурился, не решаясь говорить, но в конце концов неохотно выдавил:

— В Городе Четырех Морей дежурят люди с Малой Тяжелой Горы. Я просто прикажу им.

— Твоя охрана? — уточнил Чанмин.

Юноша кивнул.

Припоминая недавнее покушение, Сэ Чанмин пришел к выводу, что не только Зал Размышления над Заповедями, но и орден Малой Тяжелой Горы страдал вопиющей безалаберностью.

— Почему же они не дежурят при тебе? — поинтересовался он. — Академия запрещает находиться на ее территории?

Шэн Лююй опустил голову. Гордое величие слетело с него, он сник и тихо мотнул головой:

— Нет. Я сам не хочу видеть их здесь.

Сэ Чанмин интуитивно почувствовал, что дальнейшие расспросы коснутся внутренних тайн Малой Тяжелой Горы. Ему не следовало лезть в чужие дела.

Однако юноша, немного помолчав, неожиданно заговорил о прошлом:

— Несколько месяцев назад Академия Лулинь прислала мне приглашение. Должно быть, они хотели показать Небесному Дао, что не сидят сложа руки. Отец согласился отпустить меня, старейшина Лянчжэн тоже не возражал.

Тут он счел нужным пояснить:

— Старейшина Лянчжэн относится ко мне теплее остальных. Когда ты принес свиток, именно его я попросил заглянуть в родословные книги.

Чанмин вспомнил письмо от господина Ста Знаний, в котором упоминалось, что до десяти лет Шэн Лююй рос в уединении, вдали от ордена. Теперь старые недомолвки складывались в общую картину.

Юноша подбирал слова медленно, словно делясь наболевшим:

— Старейшина твердил, что мир за пределами ордена полон опасностей, кишит демонами и темными практиками. Мол, я слишком юн и... и немощен, поэтому мне необходима охрана. Терпеть не могу чужаков, но спорить с ним не решился — его доводы звучали вполне разумно.

Шэн Лююй на мгновение замолк, а затем добавил:

— Но эти люди... они не из моих прежних слуг. Их набрали непонятно откуда. Пускай я ничего не вижу, но шестым чувством ощущаю: они не защищают меня, а следят за каждым моим шагом.

Сэ Чанмин нахмурился. Раз уж даже этот наивный ребенок почуял неладное, ситуация и впрямь пахла скверно. Очевидно, корни заговора уходили в верхушку Малой Тяжелой Горы. Юноша явно дичился собственного отца, Шэн Байюня, зато безгранично доверял старейшине Лянчжэну, даже не допуская мысли, что подозрительных стражников подослал именно тот.

Шэн Лююй устало опустил на стул и подпер подбородок ладонью.

— Я прямо сказал старейшине Лянчжэну, что мне не нужны эти соглядатаи, но он и слушать не пожелал. Но перед самым моим отъездом отец случайно подслушал наш спор. И внезапно бросил: «Если не хочешь, пускай убираются»

Юноша замолчал. Тонкая бровь над повязкой страдальчески изломилась.

— Но сразу предупредил, что последствия я буду разгребать сам. И что без них меня, скорее всего, убьют.

Разве любящий отец скажет такое собственному сыну?

Почему его должны убить? Что за тайны хранит Шэн Байюнь?

Сэ Чанмин осознал истинный масштаб интриги. Шэн Байюнь велел страже остаться в Городе Четырех Морей, но, скорее всего, скрыл это от руководства Академии. В свою очередь старейшина при оформлении документов заверил руководство Лулинь, что за безопасность юного господина отвечает личный конвой. В итоге Академия пребывала в святой уверенности, будто невидимые защитники бдят дено и нощно. Именно из-за этой фатальной ошибки исчезновения Шэн Лююя во время недавних событий хватились так поздно.

Если бы не кровное родство, действия Шэн Байюня можно было смело назвать умышленным покушением на жизнь собственного сына.

Но Сэ Чанмин благоразумно промолчал. Юноша был слишком юн и раним. Пускай он держался отстраненно, в его сердце все еще теплилась надежда на родительскую любовь. Не стоило ранить птенца ужасными подозрениями, пока они не подтвердились.

Выговорившись, Шэн Лююй шумно вздохнул. Груз тайн явно тяготил его.

— Что думаешь по этому поводу? — тихо спросил он, сморщив нос.

Сэ Чанмин вспомнил, что этому маленькому птенцу едва исполнилось пятнадцать. Из-за слепоты он рос затворником, без единого друга. Одиночество копилось годами, и вот сегодня он впервые открыл кому-то душу.

Должно быть, юноша начал видеть в нем близкого человека. А доверие тайн — самый короткий путь к искренней привязанности.

Чанмину следовало бы возвести стену отчуждения, но то ли ему стало по-человечески жаль этого покинутого всеми ребенка со зловещей семейной тайной, то ли предвкушение скорой встречи со своим утерянным питомцем сделало его мягче. Так или иначе, он не нашел в себе сил оттолкнуть несчастного птенца.

То, как Шэн Лююй ворчал и жаловался втихомолку, невероятно напоминало повадки Сяо Тумао. В былые времена, стоило хозяину уйти в затворничество, непоседливый комочек перьев сбегал наружу. Без защиты вожака его порой обижали другие звери. Малыш терпел, понимая, что силенок не хватит, но бережно копил обиду. А стоило Чанмину явиться миру — тащил его за собой мстить обидчикам.

Впрочем, до драк доходило редко. Вскоре вся Школа Десяти Тысяч Дхарм знала, что у Чанмина есть любимый птенец, которому дозволено все. Никто не смел гнать воришку из своих садов — хозяин всегда щедро платил за съеденные плоды отборными духовными камнями.

Наверное, это было глупое, ничем не подкрепленное сходство. Но если Сяо Тумао всегда знал, что за его спиной стоит верный защитник, то Шэн Лююй, сталкиваясь с несправедливостью, лишь молча глотал слезы и винил во всем себя.

Жалость и нежность были редкими гостями в душе Сэ Чанмина, но сейчас он без остатка отдал их этому мальчику.

— Чужой надзор всегда невыносим, — мягко произнес он, успокаивая юношу. — Прошное нападение — лишь нелепая случайность. В стенах Академии тебе ничего не угрожает, так что не нужно впускать сюда соглядатаев.

С охраной или без нее, будут ли бдительны старейшины Зала Размышления над Заповедями — неважно. Пока они здесь, Чанмин сам защитит своего ученика. Ведь этот юноша — ключ к поискам Сэ Сяоци, а ради спасения друга Сэ Чанмин готов был свернуть горы.

Не зная, о чем размышляет учитель, Шэн Лююй просто обрадовался его поддержке. Впрочем, его радость испарилась без следа в ту же секунду.

Спрятав шкатулку, Сэ Чанмин поднялся, собираясь уходить. У самого порога он обернулся и строго добавил:

— Хоть сегодня и выходной, не забывай про домашнее задание. Повтори пройденное.

Шэн Лююй лишился дара речи.

<http://bllate.org/book/18249/1750612>